

УДК 342; 342.7; 341.231.14; 340.131.5
DOI 10.25205/2542-0410-2020-16-3-5-19

Антропологический конституционализм и гуманистическая аксиология правового статуса и достоинства личности

И. А. Кравец

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Обсуждаются вопросы юридической природы антропологического конституционализма, аксиологические и концептуальные основы правового статуса и достоинства личности в перспективе юридико-гуманистической экзистенции, проблема целостности и онтологической неприкосновенности человеческого достоинства в теоретическом, конституционно-экзистенциальном и правовом дискурсе, доктринальная и судебная конституционализация принципа уважения, охраны и защиты достоинства личности в контексте обеспечения основных прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова

антропологический конституционализм, homo dignus, достоинство личности, правовая экзистенция, судебный конституционализм, конституционализация, конституционная аксиология, принцип охраны и защиты достоинства, основные права и свободы, генетическое равноправие

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00761 А

Для цитирования

Кравец И. А. Антропологический конституционализм и гуманистическая аксиология правового статуса и достоинства личности // Юридическая наука и практика. 2020. Т. 16, № 3. С. 5–19. DOI 10.25205/2542-0410-2020-16-3-5-19

Anthropological Constitutionalism and Humanistic Axiology of Legal Status and Dignity of Man

I. A. Kravets

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article discusses the issues of the legal nature of anthropological constitutionalism, axiological and conceptual foundations of the legal status and dignity of a person in the perspective of juridical-humanistic existence, the problem of integrity and ontological inviolability of human dignity in theoretical, constitutional-existential and legal discourse, doctrinal and judicial constitutionalization of the principle of safety and protection personal dignity.

Keywords

anthropological constitutionalism, homo dignus, human dignity, legal existence, judicial constitutionalism, constitutionalization, constitutional axiology, the principles of respect for human dignity and the protection of human dignity, fundamental rights and freedoms, genetic equality

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-011-00761 А.

For citation

Kravets I. A. Anthropological Constitutionalism and Humanistic Axiology of Legal Status and Dignity of Man. *Juridical Science and Practice*, 2020, vol. 16, no. 3, p. 5–19. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2020-16-3-5-19

Rebellion itself only aspires to the relative and can only promise an assured dignity coupled with relative justice.

Albert Camus. *The Rebel* [1. P. 254]

Сам бунт стремится только к относительному и может обещать только гарантированное достоинство в сочетании с относительной справедливостью.

Альберт Камю. *Бунтарь / Бунтующий человек*
(перевод автора статьи)

Конституционализм как полисемия: понятие и явление

Юридическая полисемия является частным и профессионально ориентированным случаем многозначности слов как лексических единиц. Под полисемией (от греч. polysémos «многозначный») обычно понимают такую многозначность лексической единицы, когда одно и то же слово имеет два и более значений. Конституционализм относится к многозначным лексическим единицам; термин охватывает не только юридическую сферу, но и политическую, социальную, экономическую, духовную (культурную); его смыслы распространяются территориально не только на отдельные государства и правовые системы отдельных стран, но и на субтерриториальный уровень отдельного государства, наднациональный и международный уровень. Конституционализм как разновидность конституционной полисемии имеет юридическое ядро и многообразные лексические смыслы, которые являются носителями различных ценностных и культурных, территориальных и национальных, государственных и межгосударственных коннотаций.

Конституционализм как *нормативная система* устанавливает требования к организации публичной власти, к ее функциям и деятельности, к регламентации и защите основных прав и свобод личности. Конституционализм рассматривается и как идеал, к которому должно стремиться общество, идущее по пути социального прогресса [2. С. 383].

Конституционализм как программа развития моделей конституционной демократии (с различными вариациями) остается в непростой современной геополитической ситуации, когда обсуждается круг проблем, вызванных всплесками «конституционного популизма», демократическим дефицитом многих межгосударственных образований, неудачами третьей волны демократизации, разбившейся о «камни традиционализма». Продолжается конкуренция и глобальное соперничество двух непримиримых трендов: а) актуализация идеалов «глобализации прав человека» и «глобального конституционализма» и б) шествие «глобального авторитаризма» [3. Р. 3–19], охватившее многие государства на политической карте мира под знаменем «конституционной самобытности» или более умеренной программы сохранения и приумножения «конституционной идентичности». Конституционная идентичность становится вектором осмысления *общего и особенного* в доктринальном конструктивизме и нормативности современных демократических конституционных государств и межгосударственных объединений, стремящихся создать и пропагандировать черты конституционного характера, особенно в исследованиях международного конституционализма. В рамках такого вектора исследуются вопросы соотношения глобального и отечественного конституционализма, способы и формы правовых ответов на вызовы интеграции и глобализации [4]. Идеология глобального конституционализма модернизируется в современных условиях и исследовательских трендах, осмысляются проблемные зоны соотношения *нормативного конституционализма и международного правового порядка*, который не может существовать в условиях господствующего государственного суверенитета в территориальных границах национальных государств и внутригосударственного права. Генерируются новые программы конвергенции конституционализма, международного публичного права и глобального управления в различные варианты наднационального конституционализма, как то: а) модели «международного конституционализма» и «международного конституционного

права» [5. Р. 498]; б) модель «транснационального конституционализма» [6. Р. 16]; в) модель «глобального конституционализма» и «глобализации конституционного права» [7; 8. Р. 29]. Очевидно, что в цифровую эпоху возникают в научных дискуссиях модели «сетевого конституционализма», «цифрового конституционализма», «информационного конституционализма» [9. С. 107–111; 10]. Появление новых областей исследований глобального правового пространства и глобального управления, таких как *глобальный конституционализм*, *международный конституционализм*, *транснациональный конституционализм*, затрагивает сразу несколько дисциплин и сфер преломления научных интересов: 1) общее, сравнительное, наднациональное и национальное конституционное право; 2) административное право и управление; 3) государственное и муниципальное управление; 4) международное публичное право (универсальное и региональное) и региональные публично-правовые системы управления.

Многообразие форм конституционализма показывает, с одной стороны, территориальное расширение «моды» и географии конституционализма [11. Р. 290–291], отличающегося общими и специфическими региональными и национальными чертами, с другой стороны, экспансией культуры конституционализма и выработка различными государствами форм национальной конституционной идентичности. Программа глобального конституционализма в текущих исследованиях не вызывает устойчивого оптимизма в контексте усиливающихся тенденций противодействия глобализации; появляются конвергентные концепции, такие как «глокализация», в том числе применительно и к сфере конституционализма. В частности, заслуживает пристального внимания набирающая свои интеллектуальные и нормативные пристрастия программа *конституционной глокализации*, которая призвана преодолеть издержки глобализации и конвергировать идеи и принципы конституционализма как глобального явления в контексте национальных, региональных и местных правовых институтов, интересов и особенностей. Рассматривается глобальный конституционализм и как новая форма публично-правовой этики, как новая информационная повестка правовой организации человечества эпохи глобализации [12. С. 36, 39], которая существует в условиях научного раскола и высокой степени неопределенности ее реализации.

У конституционализма изменяется и география расширения, и организационные формы противодействия ему, но также и новые *предметные области*, традиционно не связанные с конституционализмом. К таким новым областям исследования, свидетельствующим о предметной спецификации и одновременно о проникающем влиянии конституционализма, относятся *психологический конституционализм* (D. Oliver) [13] и *конституционные чувства* (András Sajó) [14], *этнографический конституционализм* или *конституционная этнография* (Kim Lane Scheppele) [15], *конституционная таксономия* (И. А. Умнова-Конюхова, И. А. Алешкова) [16. С. 32], *конституционная мифология* (A. Marciano) [17], *конституционная теократия* (Ran Hirschl) [18]. Конституционализм взаимодействует с демократическими формами организации и осуществления государственной и муниципальной власти; соединяясь с делиберативными формами участия, *конституционная нормативная теория* синтезируется в *доктрину делиберативного конституционализма* (R. Levy, H. Kong, G. Ott, J. King) [19].

Конституционализм постепенно становится такой значительной силой влияния на различные сферы общественных наук, что вполне закономерной является его характеристика как мегапарадигмы [20. С. 44]. Конституционализм как мегапарадигма – важная исследовательская программа, синтезирующая результаты исследований различных предметных областей и территориальных сфер влияния конституционной теории и практики. Мегапарадигма в отличие от понимания парадигмы Т. Куном [21. С. 11] сочетает в себе интегративную сверхзадачу и обычные объяснительные компоненты научной парадигмы. Т. Кун отмечал признание научных достижений всеми как необходимую составную часть понятия парадигмы (хотя в общественных и гуманитарных исследованиях такое полноценное признание вряд ли возможно); *мегапарадигма соединяет (интегрирует) достижения различных отраслей научного знания в единые представления о модели постановки проблем и их решений*. Когда мы го-

ворим о конституционализме как мегапарадигме, то подразумеваем множественность концептуальных уровней постановки и решений проблем конституционного характера на различных территориальных уровнях и в отношении различных сегментов правового регулирования.

Место гуманитарной и экзистенциальной основы конституционализма как мегапарадигмы может занять человеческое достоинство, принципы его уважения, охраны и защиты. Человеческое достоинство, права человека и конституционализм, несомненно, те понятия, которые уже прошли путь глобализации (они были *глобализованы как концепты*), хотя и не до конца; скорее они находятся на пути друг к другу, и место этой встречи не может находиться только в пределах отдельной государственной юрисдикции.

Антропологический конституционализм и достоинство личности: в поисках идентичности

Конституционализм и антропология – очень разные дисциплины и области знания, пересечение которых началось под влиянием как общих процессов антропологизации права, так и выявлением влияния антропологии и этнографии на конституционную теорию и практику современных демократических государств. Значимым фактором в антропологизации современного конституционализма выступает пролиферация человеческого достоинства как правовой, этической и экзистенциальной ценности, претендующей на всемирное признание. Конституционная этнография и конституционная антропология – относительно новые формирующиеся области не только конституционной теории и практики конституционализма, но и антропологии права.

В современных юридических исследованиях гуманизация и антропологизации права – важные направления развития и совершенствования различных правовых систем. Данные тренды позволяют видеть влияние прав человека в международном масштабе и во внутригосударственной политике на различные сегменты правового порядка, с одной стороны, и этот процесс связывается с юридической глобализацией прав человека. С другой стороны, многообразие правовых систем, их нацеленность на человека и его интересы, потребности сочетаются с множеством разнообразных правовых институтов, которые отражают региональные и местные особенности, культурные традиции, влияние религиозного фактора, норм светской и религиозной морали. Существует дискуссия о том, 1) является ли антропология права сугубо юридической дисциплиной и частью юридической науки или 2) юридическая антропология – результат симбиоза антропологии и права, как двух пересекающихся, но не совпадающих явления. Результатом такого симбиоза является выявление разнообразных форм существования права как социального явления и нормативного регулятора в различных обществах (традиционных и современных, комбинированных), отличающихся культурным, религиозным разнообразием. По мнению одних исследователей, антропология права включает две ее базовые составляющие – историко-культурную юриспруденцию и когнитивную юриспруденцию [22. С. 10]. Другие отмечают «антропологический поворот» в общественных науках, который активно вмешался в юриспруденцию и стал действенным средством формирования юридической антропологии [23. С. 81–82].

Юридическая антропология в лице ее основателей (таких как Генри Мейн) и ведущих представителей зарубежной научной мысли (таких как Норбер Рулан, Лаура Нейдер, Бронислав Малиновский – Bronisław Malinowski, Джеймс М. Донован – James M. Donovan, Вольфганг Фикентшер – Wolfgang Fikentscher), отечественной науки антропологии права (например, М. М. Ковалевского, А. И. Ковлера, В. С. Нерсисянца, Ю. А. Веденеева), представителей антрополого-правового знания из Белоруссии (С. А. Калинина) обращали внимание в различных универсальных, региональных, культурных и местных аспектах, что право возникает в результате человеческой деятельности под влиянием разнообразных факторов; оно выступает *феноменом культуры и истории, быта и традиций различных народов*. Антропология права связана с поиском ответов на различные вопросы взаимосвязей между человеческой

деятельностью, возникновением и регулирующим эффектом правовых норм. Эффективность правовых норм не может быть ограничена только собственной сферой действия права, она должна оцениваться комплексно с учетом культурных, социальных и иных сфер воздействия. Как отмечает Джеймс Донован, один из вопросов антропологии права – какие социальные проблемы, возникающие вследствие деятельности человека, успешнее могут быть решены с помощью права, а какие посредством других социальных регуляторов. Второй важный вопрос, насколько сведение юридической антропологии к разрешению споров было исторически мотивированным, а не теоретически необходимым [24. Р. IX].

Две тенденции – *антропологизация* и *гуманизация права* – затрагивают сферу конституционного права и конституционализма. Обе тенденции под влиянием универсальной международной юриспруденции прав человека оказываются восприимчивыми к распространению человеческого достоинства как важной правовой категории, которая имеет разнообразные юридические формы воплощения в универсальных и региональных международных правовых актах, в конституционных актах различных государств (ФРГ, Израиль, Россия и др.)

Право, как публичное и социальное образование, «антропологично» по своей природе и доминирующим целям регулирования. Общественные отношения как предметная область правового регулирования имеют антропологическое преимущество, так как они возникают преимущественно между людьми, хотя и не только; вид *homo sapiens* создал право как пространство своей жизнедеятельности. Антропологизм права заложен в его источнике и природе в отличие, например, от геологии или астрономии. Нормативизм права роднит его с наукой этикой, однако сфера права гораздо четче отграничена и представляет собой социальное образование, где вариативность поведения в пределах правовых предписаний является более определенной для субъектов, чем мораль и ее нормы с множеством культурных и этических компонентов, разнообразием ценностей и предпочтений. Конституционализм чаще всего связывается с нормативной концепцией, которая не описывает, а предписывает правила и принципы деятельности органов публичной власти, граждан, их объединений, других лиц. *Прескриптивный конституционализм* опирается на нормативную основу, которой является конституция (писаная, комбинированная, кодифицированная / некодифицированная). *Фактический конституционный режим* обязательно включает *дескриптивные компоненты*, совокупность оценочно-описательных приемов фактического состояния организации и деятельности органов публичной власти, фактического объема реализуемых прав и свобод, «работы» механизма их защиты и обеспечения. Конституционализм – это *прескриптивное и дескриптивное* явление одновременно; он «антропологичен» как вследствие источника своего происхождения: все конституции (даже если считать божественность некоторых правил, которые также записаны людьми) имеют рукотворный характер, так и по существу своего предназначения: адресатом конституционных норм, принципов и предписаний является современный вид *homo sapiens* – человек и гражданин, облеченный публично-властными полномочиями или без таковых.

Конституционализм – многомерное понятие, за которым скрываются как всеобщие правовые принципы (такие как господство права, верховенство конституции и др.), образующие юридическое ядро, так и многообразие национальных правовых и политических принципов в сфере государственного управления и государственного режима, которые обеспечивают многообразие правовых и политических форм современного конституционализма. Одни исследователи считают господство права (или «верховенство права», как порой переводят на русский язык «the rule of law») глобальной мерой конституционализма, приверженность которому демонстрируют различные страны и народы, независимо от фактического состояния правовой системы и государственного управления [25. Р. 76–83]. Другие ученые оценивают тренд от верховенства права к конституционализму как многообещающую исследовательскую программу и публично-правовую дилемму в условиях процессов интеграции и глобализации, в которых участвуют многие страны и Российская Федерация, в частности. Конституционализм в этом случае рассматривается как универсальное понятие, в основе которого лежит поиск общих ценностей для всего человечества. Как пишет Л. К. Бэйкер, «кон-

ституции увековечивают организацию государственной власти»; правда, не всегда юридический памятник государству долговечен, преходящее в конституциях встречается гораздо чаще, чем в самих государствах. По мнению исследователя из Пенсильвании (Pennsylvania State University), «конституционализм служит метрикой», по которой организация государственной власти «может быть оценена, узаконена и изменена» [26. Р. 85, 96].

Конституционализм становится нормативной и институциональной сердцевиной общего конституционного права для современного мира с его многообразием и полиморфностью культурного и религиозного ландшафта. Вместе с тем каждое государство и нация имеют свою собственную конституционную идентичность, так называемое «национальное лицо» конституционализма. Отечественный конституционализм в разрезе конкретного государства имеет длительную историю и включает такие черты, как демократия, верность конституции, господство права или правового государства, конституционализация общих целей развития и общего благополучия. «Национальное лицо» конституционализма в последнее время активно обсуждается в контексте или конституционной самобытности, или конституционной идентичности. Конституционная самобытность видится в существовании определенной иерархии предписаний, заложенных в тексте конституции [27. С. 70–81]. Нормативная иерархичность конституционного правопорядка, как исходная юридическая основа конституционализма, – скорее элемент общего конституционного права и универсальности конституционализма в современных государствах. Конституционная идентичность, очевидно многоаспектное понятие с большим кругом возможных создателей и проводников в структуре публичной конституционной коммуникации. Важным компонентом современной конституционной идентичности являются антропологические характеристики конституций и антропологические особенности конституционализма. Конституционализм и идентичность политической нации оценивается в контексте постановки и развертывания в публичном пространстве конституционных целей и ожиданий, заложенных в конституции страны. В понимании конституционной идентичности заложена дилемма взаимного влияния субъектного состава на атрибуты конституционной идентичности и на формирование публичного пространства и публичную коммуникацию для поддержания и развития / изменения конституционной идентичности. Определенно правильным будет позиция, согласно которой конституционная идентичность проходит испытание временем и поправками к Конституции на предмет целостности и верности фундаментальным ценностям. Как пишет Л. Трайб, не только список «фундаментальных конституционных норм открыт для обсуждения, но и сама идентичность «Конституции» – совокупности текстовых и исторических материалов». Ведь из текста и истории извлекаются нормы, которыми руководствуются при их применении; правоприменительный вопрос не может быть объективно выведен или пассивно обнаружен без точки зрения [28. Р. 440], а значит, и без правового и социального контекста.

Конституционная лексика российской юриспруденции обогатилась современными представлениями о динамических, процессуальных и нормативных основах конституционализма, который получил множество интерпретационных значений. Наиболее значимым и востребованным в современных научных изысканиях в сфере интерпретации конституционализма стала *парадигма конституционализации* права и правопорядка, которые имеют различные юридические формы своего бытия, но непременно основываются на различных версиях писаной (кодифицированной, некодифицированной) или комбинированной конституции. Вектор конституционализации российского правоведения показывает одно из доминирующих направлений поиска собственной идентичности. Внимание исследователей приковано к дискуссии вокруг предмета конституционного права, к инновационным сферам конституционно-правового регулирования и новациям в научной конституционной юриспруденции [29. С. 7]. Конституционализация как процесс охватывает весьма многие сферы правового регулирования, которые становятся инновационными конституционными зонами, формирующими векторы исследовательских парадигм в сфере юриспруденции [30. С. 141]. Среди областей *антропологической конституционализации* обращают на себя внимание а) сфера конституционализации соматических и репродуктивных прав личности; б) сфера конститу-

ционализации достоинства личности как элемента правового статуса и его отраслевое обеспечение в российском праве; в) сфера *политической антропологии* – конституционализация и кодификация избирательного права и обеспечения субъективных избирательных прав (в том числе через подготовку нового Проекта федерального закона «Кодекс о выборах и референдумах в Российской Федерации» (Избирательного кодекса России)¹. Разбирая «реальное и мнимое» расширение предмета конституционного права, исследователи пытаются выявить подлинные новации среди векторов и предметных областей развития конституционной юриспруденции [31. С. 11–23].

Представляется своевременным осмысление роли *антропологического элемента в структуре конституционного права и конституционализма*. В российской юриспруденции прав человека *достоинство личности стало частью академического энциклопедического словаря*; оно вошло в конституционный лексикон с различными семантическими и концептуальными значениями. В энциклопедическом словаре «Права человека» достоинство раскрывается через «качество человека, равнозначное праву на уважение и обязанности уважать других» [32. С. 187]. *Конституционная семантика человеческого достоинства в российской юриспруденции может стать юридическим словарем конституционной идентичности политической нации и государства*. Концепт человеческого достоинства вошел в современный дискурс общественных наук, конституционализма и прав человека после того, как перед ним открылась весьма извилистая дорога, зигзаги которой чередовали религиозное мышление со светским, биологическую природу с социальным развитием, эгалитаризм с социальным аристократизмом.

Метафизический и исторический бунт, о которых размышляет А. Камю в книге «Бунтарь» [1. Р. 29–75, 76–219] (или «Мятежник» в переводе с английского и «Бунтующий человек» в переводе с французского [33]), совершается и в борьбе за *общее достоинство* вопреки установленной социальной иерархии как средство поиска и достижения новой социальной справедливости. А. Камю пишет, что «эта борьба» пролетариата за лучшую жизнь, «была источником их достоинства»; данный факт «признают все, кто решил поделиться своими чаяниями и неудачами». По мнению экзистенциалиста, «это достоинство было приобретено в противовес всему клану старых и новых господ» [1. Р. 185]. С позиций текущего XXI столетия метафизический бунт трансформируется, а исторический бунт не становится музейным экспонатом, а приобретает черты «цветных революций» на Ближнем Востоке. Во многих случаях можно говорить о новой доминанте борьбы за достоинство в новых сферах человеческой деятельности и в новых географических регионах; в частности, речь идет о всемерной *предметной и географической пролиферации человеческого достоинства, которое становится глобальным явлением и уже не ограничивается требованиями метафизического или исторического бунта*.

Современные юридические формы закрепления человеческого достоинства на международном, наднациональном и внутригосударственном уровнях позволяют преодолевать «исторический бунт» за достоинство, создавать юридические средства и обязывать современные демократические и конституционные государства откликаться на «метафизические» требования охраны и защиты достоинства современного человека независимо от его социального происхождения, должностного положения и профессиональной принадлежности. *Антропологические корни* современного конституционализма имеют весьма плодотворную почву в виде *естественного права и прав человека*, в виде *демократического участия и согласия народа* на управление делами государства, на выполнение государственных функций со стороны демократического и конституционного государства.

Новый концепт «антропологический конституционализм» с *сердцевиной в виде человеческого достоинства* соединяет классические и инновационные элементы конституционной

¹ Интернет-портал «Российский Фонд Свободных Выборов». URL: <http://rfsv.ru/page/proekt-federalnogo-zakona-koeks-o-vyborakh-i-referendumakh-v-rossiiskoi-federatsii-izbiratel'nogo-koeksa-rossii> (дата обращения 06.05.2020).

теории, практики реализации конституционных норм, принципов и институтов, создает предпосылки для развития гуманистического и «человекоцентричного» направления в конституционном праве и конституционализме. «Конституционный человекоцентризм» – важное научное направление в современной российской юриспруденции, которая может иметь далеко идущие последствия для отраслевой юриспруденции, ориентированной правозащитную функцию и права человека и гражданина в их отраслевом, полиотраслевом и межотраслевом срезе. В «конституционном человекоцентризме» достоинство личности занимает привилегированное положение. Достоинство исследуется с различных позиций. Одни авторы, исследуя семантику и лингвистические корни термина «достоинство», отмечают, что английский термин *dignity* («достоинство») точно соответствует латинскому термину *dignitas*, французскому *dignité* и немецкому *Würde*. Их цель – раскрыть достоинство как качества того, что является «достойным» [34. Р. 251].

Гарольд К. Джейкобсон отмечал в 1982 г., что исторический консенсус сформировался за годы после Второй мировой войны о значении человеческого достоинства и справедливости и, таким образом, о всеобъемлющих целях международной и национальной публичной политики и общих чертах мирового порядка. Сожалея, что практика государств не всегда руководствуется нормативными стандартами, воплощенными в консенсусе, он выражал точку зрения о том, что было достигнуто «широкое согласие относительно целей, а не то, что сами цели были достигнуты» [35. Р. 320–321]. Но и спустя значительное время (38 лет с момента публикации) можно констатировать, что нормативные основы для продвижения человеческого достоинства значительно расширились как на международном, так и на внутригосударственном уровне, однако пройдет еще немало времени, прежде чем достоинство как правовой атрибут человеческой личности получит всеобъемлющую поддержку и обеспечение в различных частях глобализирующегося мира.

Права человека часто определяются как права, которыми обладают люди только благодаря присущему им достоинству. Существует много ответов на вопрос, что такое права человека? Заслуженным вниманием среди исследователей пользуется «универсальный ответ», который характеризует их как права, «которыми все люди обладают в силу присущего им достоинства и которые существуют независимо от юридического или социального признания» [36. Р. 862]. Такой подход приводит нас к универсальному пониманию достоинства личности, которое теперь *опирается на генетическое равноправие, на гарантии взаимосвязи генома человека и его прав*, провозглашаемые на уровне универсальных международных правовых актов ООН². Важно, чтобы конституционное правосудие конституционализировало в России и принцип генетического равноправия, и гарантии взаимосвязи генома человека и его прав.

Представляется своевременным обсуждение вопроса о необходимости для Российской Федерации (как члена Совета Европы) ратификации Конвенции о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (Принята Комитетом министров Совета Европы 19 ноября 1996 г.). Конвенция исходит из нормативного требования о приоритете человека («интересы и благо отдельного человека превалируют над интересами общества или науки», ст. 2); провозглашает в качестве абсолютной ценности гарантию соблюдения «целостности личности» (ст. 1); она содержит нормы, направленные на защиту человеческого достоинства, прав и свобод через требование о принятии тех принципов и запретов, которые направлены против неправильного использования достижений биологии и медицины³. На 11 августа 2020 г. ратифицировали Конвенцию 29 государств (с вступлением в силу), еще 6 государств подпи-

² Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека, принята 11 ноября 1997 г. Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml (дата обращения 07.08.2020).

³ URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=090000168007d004> (дата обращения 07.08.2020).

сали Конвенцию (Италия, Люксембург, Нидерланды, Польша, Украина, Швеция). Россия на текущий момент не участвует в данной Конвенции (не подписала и не ратифицировала)⁴. Подобная ратификация будет содействовать расширению правового поля защиты прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биомедицинских технологий на территории России как члена Совета Европы. С концептуальной точки зрения *антропологический конституционализм* включает вопросы юридических *гарантий генетического равноправия, гарантий обеспеченных взаимосвязей генома человека и его прав, гарантий сохранения целостности личности и онтологической неприкосновенности его достоинства*.

«Юридический гуманитаризм», правовая антропология и антропологический конституционализм: вместо выводов

Антропологический дискурс активно проникает в сферу конституционного права и создает условия для концепции антропологического конституционализма. Идентичность включается в элементную структуру антропологического дискурса. Теория идентичности получила развитие и в юридической науке. По мнению исследователей, антропологический подход полагает человека центром социальной реальности, частью которой является правовая реальность [37. С. 151]. Современная эгалитарная идентичность человека рассматривает достоинство как универсальную и генетически обусловленную ценность; в современных демократических государствах не сословная или родовая, цеховая честь, а человеческое достоинство выступает эгалитарным основанием для равенства людей. Достоинство секуляризовано, и, по мнению исследователей, функциональный секуляризм создает дискурс современного гуманизма. Более того, утверждается, что гуманитаризм должен признать появление «постсекулярности», о котором говорили многие теоретики общества, и более активно осознать роль веры – как либеральной, материалистической, так и религиозной – в решении ряда вопросов, имеющих ключевое значение для данной области: уточнение основных гуманитарных ценностей, сохранение правозащитных рамок, способных определять и защищать человеческое достоинство, и надлежащие средства учета религиозного опыта и благополучия в ходе гуманитарного развития [38. Р. 456–457].

Многие исследователи отмечают заметную роль достоинства в современном дискурсе прав человека [39. Р. 292]. Философский и правовой подход к правам человека комбинируют знания и человеческий опыт под различным углом зрения и в различной системе координат. Правовой и конституционный дискурс к правам человека и человеческому достоинству стремятся преодолеть известную абстрактность таких понятий, как человеческое достоинство и права человека. Одним из важных направлений юридизации и конституционализации достоинства личности и прав человека является их правообеспечительный дискурс, направленный на конкретизацию абстрактности. Как отмечает Паоло Карозза, такие понятия, как «человеческое достоинство» и «права человека», не рассматриваются как абстрактные понятия; в них заключено «осмысленное значение и вес» в контексте работы «плавильного котла» конкретного человеческого опыта – истории, свободы, разума и сообщества [40. Р. 931].

Достоинство тесным образом в своем лексическом значении связано с автономией лица, но не равнозначна последнему; автономия (внутренняя и внешняя) могут существовать в разной степени у лица, обладающего человеческим достоинством. Слово достоинство (как и гордость, которое в лексике русского языка именуют синонимом достоинства) употребляется только в единственном числе; русский язык не выработал распространенных форм словоупотребления достоинства в различных словосочетаниях во множественном числе. Конституционная лексика российской юриспруденции в такой же степени использует слово «достоинство» в различных юридических оборотах речи в единственном числе: «достоинство личности», закрепленное в ч. 1 ст. 21 Конституции РФ; «человеческое достоинство», упо-

⁴ URL: https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/164/signatures?p_auth=ivsGF3l2 (дата обращения 07.08.2020).

мянутае во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. В российском конституционализме тема достоинства личности приобрела нормативно-интерпретационный и судебно-практический характер после принятия и вступления в силу Конституции РФ 1993 г. Конституционный Суд РФ стал развивать и институционализировать категорию «достоинство личности» при оценке конституционности различных нормативно-правовых актов. В доктрине и практике судебного конституционализма вырабатываются сферы распространения и конституционализации различных юридических компонентов категории «достоинство личности» [41; 42]. Наука конституционного права предлагает рассматривать человеческое достоинство как важнейшую «экзистенциальную и гуманитарную основу правопорядка» [43. С. 95, 98–102]. Можно с определенной уверенностью полагать, что гуманистический вектор в развитии российского конституционализма сохраняет свою актуальность, несмотря на проблему «демократической ротации публичной власти»; достоинство личности в контексте доктринальной и судебной конституционализации может занять место *антропологического экзистенциально-правового основания* современного российского конституционализма, быть индикатором конституционной идентичности в сфере юриспруденции прав человека, социальной деятельности Российского государства.

Антропологический конституционализм с гуманитарным и экзистенциальным сердцем – человеческим достоинством выступает и в качестве *новейшей и перспективной программы российской конституционной идентичности*. В нее включаются следующие элементы-принципы 1) принцип уважения человеческого достоинства; 2) принцип конституционной охраны достоинства личности, 3) принцип конституционно-правовой и конституционно-процессуальной защиты достоинства личности в рамках конституционного правосудия, 4) принцип равного достоинства, это принцип основ правового статуса личности, который проходит доктринальную и судебную конституционализацию. Для российского варианта *антропологического конституционализма* вполне правомерным является признание *субъективного конституционного права на достоинство*, которое может иметь статус конституционализированного основного права человека и гражданина в Российской Федерации, непосредственно не предусмотренного Конституцией РФ, но имплицитно присутствующего и выводимого из положений о том, что «достоинство личности охраняется государством».

Конституционное правосудие в России не использует ни доктрину антропологического конституционализма, ни доктрину достоинства как основы генетического равноправия; пока весьма ограниченными выглядят попытки федеральной конституционной юстиции стать проводником принципа равного достоинства в контексте защиты различных прав и свобод и применения положений ч. 1 ст. 21 Конституции РФ. Представляются важными доктринальное развитие и судебная конституционализация концепта *антропологического конституционализма*, продвижение концепта *достоинства как основы генетического равноправия человека*; расширение сферы применения и конституционализации принципа равного достоинства в практике обеспечения средствами конституционного правосудия различных прав и свобод человека и гражданина (гражданских, политических, социальных, культурных, экономических), в том числе новых прав в сфере медицинских биотехнологий (соматических прав, репродуктивных прав вследствие использования вспомогательных репродуктивных технологий). Конституционное поле принципа равноправия может быть расширено как за счет эффективной и соразмерной *конституционализации равного достоинства*, так и вследствие разработки и применения *принципа генетического равноправия человека*.

Список литературы

1. **Camus A.** The Rebel. England: Penguin Books, 1982. 278 p.
2. **Авакьян С. А.** Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь. М.: Юстицинформ, 2015. 640 с.
3. **Diamond, Larry, et al.** Authoritarianism Goes Global: The Challenge to Democracy. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 2016, 256 p.

4. **Кравец И. А.** Глобальный и отечественный конституционализм в условиях формирования интеграционного права: конституционная телеология, футуризм и структура современных конституций // *Право и политика*. 2019. № 10. С. 1–23. DOI 10.7256/2454-0706.2019.10.27293
5. **Klabbers, J.** International Constitutionalism. In: R. Masterman & R. Schütze (eds.). *The Cambridge Companion to Comparative Constitutional Law*. Cambridge, Cambridge University Press, 2019, p. 498–520. DOI 10.1017/9781316716731.020
6. **Zumbansen, P.** Comparative, global and transnational constitutionalism: The emergence of a transnational legal-pluralist order. *Global Constitutionalism*, 2012, vol. 1, issue 1, p. 16–52.
7. **Wiener A., Lang A. F., Tully J., Maduro M. P., Kumm M.** Global constitutionalism: Human rights, democracy and the rule of law. *Global Constitutionalism*. 2012, vol. 1, issue 1, p. 1–15.
8. **Tushnet, M.** The globalisation of constitutional law as a weakly neo-liberal project. *Global Constitutionalism*, 2019, vol. 8, issue 1, p. 29–39. DOI 10.1017/S204538171800028X
9. **Кравец И. А.** Информационный, цифровой конституционализм и цифровые конституционные права: методологические вопросы понимания и правового регулирования // Институт уполномоченных по правам человека в системе конституционных гарантий: Сб. докл. М.: РГ-Пресс, 2019. С. 107–111.
10. **Кравец И. А.** Информационный и цифровой конституционализм и конституционные общественные инициативы в условиях российского правового пространства // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 9.
11. **Epstein, R.** Can we design an optimal constitution? Of structural ambiguity and rights clarity. *Social Philosophy and Policy*, 2011, vol. 28, issue 1, p. 290–324.
12. **Медушевский А. Н.** Глобальный конституционализм как правовая теория и идеология переустройства мирового порядка // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 1 (134). С. 15–42.
13. **Oliver D.** Psychological constitutionalism. *The Cambridge Law Journal*, 2010, vol. 69, issue 3, p. 639–675. DOI 10.1017/S0008197310000838
14. **Sajó, András.** Constitutional Sentiments. New Haven, CT, Yale University Press, 2011, 382 p.
15. **Scheppele, Kim Lane.** Constitutional Ethnography: An Introduction. *Law & Society Review*, 2004, vol. 38, no. 3, p. 389–406.
16. **Умнова-Конюхова И. А., Алешкова И. А.** К вопросу о конституционной таксономии // Государство и право. 2020. № 1. С. 32–40. DOI 10.31857/S013207690008348-4
17. **Marciano A.** (ed.) *Constitutional Mythologies: New Perspectives on Controlling the State*. New York, Springer Verlag, 2011, VIII, 180 p. DOI 10.1007/978-1-4419-6784-8
18. **Hirschl, Ran.** *Constitutional Theocracy*. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 2010, 306 p.
19. **Levy, R., Kong, H., Orr, G., & King, J.** (eds.). *The Cambridge Handbook of Deliberative Constitutionalism*. Cambridge, Cambridge University Press, 2018. DOI 10.1017/9781108289474
20. **Кравец И. А.** Конституция и ценности конституционализма как мега-парадигмы // Государство и право. 2018. № 12. С. 44–55. DOI 10.31857/S013207690002199-0
21. **Кун Т.** Структура научных революций. С введ. ст. и доп. 1969 г. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
22. **Веденеев Ю. А.** Антропология права: между социокультурными традициями и нововведениями // *Lex Russica*. 2016. № 9. С. 9–26.
23. **Костогрызлов П. И.** Юридическая антропология в поисках парадигмы // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 81–99.
24. **Donovan J. M.** *Legal Anthropology*. Lanham, Altamira Press, 2008, 286 p.

25. **Вентер Ф.** Верховенство права как глобальная мера конституционализма // Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире: сборник статей / Отв. ред. В. Д. Зорькин, П. Д. Баренбойм. М.: ЛУМ, Юстицинформ, 2013. С. 76–94.
26. **Backer, Larry Catá.** Theocratic Constitutionalism: An Introduction to a New Global Legal Ordering. *Indiana Journal of Global Legal Studies*, 2006, vol. 16, iss. 1, p. 85–172.
27. **Карпенко К. В.** Конституционная самобытность и дух Конституции // Государство и право. 2020. № 3. С. 70–81. DOI 10.31857/S013207690008685-5
28. **Tribe L. H.** A Constitution We Are Amending: In Defense of a Restrained Judicial Role. *Harvard Law Review*, 1983, vol. 97, no. 2, p. 433–445.
29. **Крусс В. И.** Вектор конституционализации: российское правоведение на пути к идентичности // Юридическая наука и практика. 2019. Т. 15, № 2. С. 5–19. DOI 10.25205/2542-0410-2019-15-2-5-19
30. **Кравец И. А.** Конституционное право и телеология: предмет и метод метаотрасли, сферы конституционализации и межотраслевой гармонизации // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11. С. 131–147. DOI 10.17803/1994-1471.2018.96.11.131-147
31. **Комарова В. В.** Реальное и мнимое расширение предмета конституционного права // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 11–23. DOI 10.17803/1994-1471.2018.95.10.011-023
32. Права человека: энциклопедический словарь / Отв. ред. С. С. Алексеев. М.: Норма; ИНФРА-М, 2016. 656 с.
33. **Камю А.** Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство: Пер. с фр. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
34. **Kolnai A.** Dignity. *Philosophy*, 1976, vol. 51, no. 197, p. 251–271.
35. **Jacobson, Harold K.** The Global System and the Realization of Human Dignity and Justice: Presidential Address. *International Studies Quarterly*, 1982, vol. 26, no. 3, p. 315–332.
36. **Valentini L.** Dignity and Human Rights: A Reconceptualisation. *Oxford Journal of Legal Studies*, 2017, vol. 37, no. 4, p. 862–885. DOI 10.1093/ojls/gqx011
37. **Исаева Н. В.** Предмет конституционного права в антропологическом контексте // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11. С. 148–158. DOI 10.17803/1994-1471.2018.96.11.148-158
38. **Ager A.** Faith and the Discourse of Secular Humanitarianism. *Journal of Refugee Studies*, 2011, vol. 24, no. 3, p. 456–472. DOI 10.1093/jrs/fer030
39. **Pin A.** Balancing Dignity, Equality and Religious Freedom: A Transnational Topic. *Ecclesiastical Law Journal*, 2017, vol. 19, issue 3, p. 292–306. DOI 10.1017/S0956618X17000473
40. **Carozza P. G.** Human Dignity and Judicial Interpretation of Human Rights: A Reply. *The European Journal of International Law*, 2008, vol. 19, no. 5, p. 931–944. DOI 10.1093/ejil/chn059
41. **Кравец И. А.** Достоинство личности в теории и практике судебного конституционализма // Журнал конституционного правосудия. 2019. № 1. С. 11–20.
42. **Бондарь Н. С.** Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 19–31.
43. **Кравец И. А.** Конституция РФ, права человека и достоинство личности: диалог конституционной теории, практики конституционного правосудия и международных норм // Юридическая наука и практика. 2019. Т. 15, № 2. С. 93–104. DOI 10.25205/2542-0410-2019-15-2-93-104

References

1. **Camus A.** The Rebel. England: Penguin Books, 1982. 278 p.
2. **Avakyan, S. A.** Konstitutsionnyi leksikon: Gosudarstvenno-pravovoi terminologicheskii slovar' [Constitutional lexicon: State legal terminological dictionary]. Moscow, Justicinform, 2015, 640 p. (in Russ.)
3. **Diamond, Larry, et al.** Authoritarianism Goes Global: The Challenge to Democracy. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 2016, 256 p.
4. **Kravets, I. A.** Global'nyi i otechestvennyi konstitutsionalizm v usloviyah formirovaniya integratsionnogo prava: konstitutsionnaya telelogiya, futurizm i struktura sovremennykh konstitutsii [Global and national constitutionalism in the context of formation of integration law: constitutional teleology, futurism and structure of modern constitutions]. *Law and Politics*, 2019, no. 10, p. 1–23. (in Russ.) DOI 10.7256/2454-0706.2019.10.27293
5. **Klabbers, J.** International Constitutionalism. In: R. Masterman & R. Schütze (eds.). The Cambridge Companion to Comparative Constitutional Law. Cambridge, Cambridge University Press, 2019, p. 498–520. DOI 10.1017/9781316716731.020
6. **Zumbansen, P.** Comparative, global and transnational constitutionalism: The emergence of a transnational legal-pluralist order. *Global Constitutionalism*, 2012, vol. 1, issue 1, p. 16–52.
7. **Wiener A., Lang A. F., Tully J., Maduro M. P., Kumm M.** Global constitutionalism: Human rights, democracy and the rule of law. *Global Constitutionalism*. 2012, vol. 1, issue 1, p. 1–15.
8. **Tushnet, M.** The globalisation of constitutional law as a weakly neo-liberal project. *Global Constitutionalism*, 2019, vol. 8, issue 1, p. 29–39. DOI 10.1017/S204538171800028X
9. **Kravets, I. A.** Informatsionnyi, tsifrovoy konstitutsionalizm i tsifrovye konstitutsionnye prava: metodologicheskie voprosy ponimaniya i pravovogo regulirovaniya [Information, digital constitutionalism and digital constitutional rights: methodological issues of understanding and legal regulation]. In: Institut upolnomochennykh po pravam cheloveka v sisteme konstitutsionnykh garantii [Institute of Ombudsmen for Human Rights in the Protection System]. Moscow, RG-Press, 2019, p. 107–111. (in Russ.)
10. **Kravets, I. A.** Informatsionnyi i tsifrovoy konstitutsionalizm i konstitutsionnye obshchestvennye initsiativy v usloviyah rossiiskogo pravovogo prostranstva [Informational and digital constitutionalism and constitutional public initiatives in the Russian legal space]. *Constitutional and municipal law*, 2020, no. 9. (in Russ.)
11. **Epstein, R.** Can we design an optimal constitution? Of structural ambiguity and rights clarity. *Social Philosophy and Policy*, 2011, vol. 28, issue 1, p. 290–324.
12. **Medushevsky A.** Global'nyy konstitutsionalizm kak pravovaya teoriya i ideologiya pereustroystva mirovogo poryadka [Global constitutionalism as a legal theory and ideology of the reorganization of the world order]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2020, vol. 29, no. 1, p. 15–42. (in Russ.)
13. **Oliver D.** Psychological constitutionalism. *The Cambridge Law Journal*, 2010, vol. 69, issue 3, p. 639–675. DOI 10.1017/S0008197310000838
14. **Sajó, András.** Constitutional Sentiments. New Haven, CT, Yale University Press, 2011, 382 p.
15. **Scheppele, Kim Lane.** Constitutional Ethnography: An Introduction. *Law & Society Review*, 2004, vol. 38, no. 3, p. 389–406.
16. **Umnova-Konyukhova, Irina A., Aleshkova, Irina A.** K voprosu o konstitutsionnoi taksonomii [On the issue of constitutional taxonomy]. *State and Law*, 2020, no. 1, p. 32–40. (in Russ.) DOI 10.31857/S013207690008348-4
17. **Marciano A.** (ed.) Constitutional Mythologies: New Perspectives on Controlling the State. New York, Springer Verlag, 2011, VIII, 180 p. DOI 10.1007/978-1-4419-6784-8

18. **Hirschl, Ran.** Constitutional Theocracy. Cambridge, Massachusett, Harvard University Press, 2010, 306 p.
19. **Levy, R., Kong, H., Orr, G., & King, J.** (eds.). The Cambridge Handbook of Deliberative Constitutionalism. Cambridge, Cambridge University Press, 2018. DOI 10.1017/9781108289474
20. **Kravets, I. A.** Konstitutsiya i tsennosti konstitutsionalizma kak mega-paradigmy [Constitution and Values of the Constitutionalism as a Mega-paradigm]. *State and Law*, 2018, no. 12, p. 44–55. (in Russ.) DOI 10.31857/S013207690002199-0
21. **Kuhn, T.** Struktura nauchnyh revolyutsii [The structure of scientific revolutions]. With input. art. and add. 1969. Moscow, Progress, 1977, 300 p. (in Russ.)
22. **Vedeneev, Yu. A.** Antropologiya prava: mezhdru sotsiokul'turnymi traditsiyami i novovvedeniyami [Anthropology of Law: Between Socio-Cultural Traditions and Innovations]. *Lex Russica*, 2016, no. 9, p. 9–26. (in Russ.)
23. **Kostogryzov, P. I.** Yuridicheskaya antropologiya v poiskakh paradigmy [Legal anthropology in search for a paradigm]. *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2017, vol. 17, iss. 3, p. 81–99. (in Russ.)
24. **Donovan J. M.** Legal Anthropology. Lanham, Altamira Press, 2008, 286 p.
25. **Venter, F.** Verhovenstvo prava kak global'naya mera konstitutsionalizma [Rule of law as a global measure of constitutionalism]. In: Doktriny pravovogo gosudarstva i verhovenstva prava v sovremennom mire [Doctrines of the Rechtsstaat and the Rule of Law in the modern world]. Collection of articles. Eds. V. D. Zorkin, P. D. Barenboim. Moscow, LUM, Yustitsinform, 2013, p. 76–94. (in Russ.)
26. **Backer, Larry Catá.** Theocratic Constitutionalism: An Introduction to a New Global Legal Ordering. *Indiana Journal of Global Legal Studies*, 2006, vol. 16, iss. 1, p. 85–172.
27. **Karpenko, K. V.** Konstitutsionnaya samobytnost' i duh Konstitutsii [Constitutional identity and the spirit of the Constitution]. *State and law*, 2020, no. 3, p. 70–81. (in Russ.) DOI 10.31857/S013207690008685-5
28. **Tribe L. H.** A Constitution We Are Amending: In Defense of a Restrained Judicial Role. *Harvard Law Review*, 1983, vol. 97, no. 2, p. 433–445.
29. **Kruss, V. I.** Vektor konstitutsionalizatsii: rossiiskoe pravovedenie na puti k identichnosti [The vector of constitutionalization: Russian jurisprudence on the way to identity]. *Juridical Science and Practice*, 2019, vol. 15, no. 2, p. 5–19. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2019-15-2-5-19
30. **Kravets, I. A.** Konstitutsionnoe pravo i teleologiya: predmet i metod metaotrasli, sfery konstitutsionalizatsii i mezhotraslevoi garmonizatsii [Constitutional Law and Teleology: Subject Matter and Method of Meta-Discipline, Scope of Constitutionalization and Interdisciplinary Harmonization]. *Actual Problems of Russian Law*, 2018, no. 11, p. 131–147. (in Russ.) DOI 10.17803/1994-1471.2018.96.11.131-147
31. **Komarova, V. V.** Real'noe i mnimoe rasshirenie predmeta konstitutsionnogo prava [Actual and Imaginary Extension of the Subject Matter of Constitutional Law]. *Actual problems of Russian law*, 2018, no. 10, p. 11–23. (in Russ.) DOI 10.17803/1994-1471.2018.95.10.011-023
32. **Alekeev, S. S.** (ed.) Prava cheloveka: entsiklopedicheskiy slovar' [Human Rights: Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Norma; INFRA-M, 2016, 656 p. (in Russ.)
33. **Camus, A.** Buntuyushchii chelovek. Filosofiya. Politika. Iskustvo [The Rebel Man. Philosophy. Policy. Art]. Trans. from Fr. Moscow, Politizdat, 1990, 415 p. (in Russ.)
34. **Kolnai A.** Dignity. *Philosophy*, 1976, vol. 51, no. 197, p. 251–271.
35. **Jacobson, Harold K.** The Global System and the Realization of Human Dignity and Justice: Presidential Address. *International Studies Quarterly*, 1982, vol. 26, no. 3, p. 315–332.
36. **Valentini L.** Dignity and Human Rights: A Reconceptualisation. *Oxford Journal of Legal Studies*, 2017, vol. 37, no. 4, p. 862–885. DOI 10.1093/ojls/gqx011

37. **Isayeva, N. V.** Predmet konstitutsionnogo prava v antropologicheskom kontekste [Subject Matter of Constitutional Law in Anthropological Context]. *Actual Problems of Russian Law*, 2018, no. 10, p. 148–158. (in Russ.) DOI 10.17803/1994-1471.2018.96.11.148-158
38. **Ager A.** Faith and the Discourse of Secular Humanitarianism. *Journal of Refugee Studies*, 2011, vol. 24, no. 3, p. 456–472. DOI 10.1093/jrs/fer030
39. **Pin A.** Balancing Dignity, Equality and Religious Freedom: A Transnational Topic. *Ecclesiastical Law Journal*, 2017, vol. 19, issue 3, p. 292–306. DOI 10.1017/S0956618X17000473
40. **Carozza P. G.** Human Dignity and Judicial Interpretation of Human Rights: A Reply. *The European Journal of International Law*, 2008, vol. 19, no. 5, p. 931–944. DOI 10.1093/ejil/chn059
41. **Kravets, I. A.** Dostoinstvo lichnosti v teorii i praktike sudebnogo konstitutsionalizma [Human dignity in the theory and practice of judicial constitutionalism]. *Journal of Constitutional Justice*, 2019, no. 1, p. 11–20. (in Russ.)
42. **Bondar, N. S.** Konstitutsionnaya kategoriya dostoinstva lichnosti v tsennostnom izmerenii: teoriya i sudebnaya praktika [The constitutional category of human dignity in the value dimension: theory and judicial practice]. *Constitutional and Municipal Law*, 2017, no. 4, p. 19–31. (in Russ.)
43. **Kravets I. A.** The Constitution of the Russian Federation, Human Rights and Human Dignity: Dialogue of Constitutional Theory, Practice of Constitutional Justice and International Norms. *Juridical Science and Practice*, 2019, vol. 15, no. 2, p. 93–104. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2019-15-2-93-104

Материал поступил в редколлегию

Received
15.06.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права Института философии и права Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Igor A. Kravets – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Chair of Theory and History of State and Law and Constitutional Law, Institute of philosophy and law of Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

kravigor@gmail.com

ORCID 0000-0001-5291-7177

SPIN 7272-5729

WoS ResearcherID N-9219-2015